

Глава 2. Смена «героев времени» и принципов их художественного отражения.

2.1. Новые черты старого образа делового человека. М. Горький. «Дело Артамоновых»: семейное Дело на перекрестке эпох.

Новый этап в разработке темы предпринимательства в русской литературе определяется рамками возникновения, становления и распада советского общества, история которого нашла свое отражение в литературе советского периода.¹

На общем фоне советской литературы тема предпринимательства может показаться весьма узкой и специфической. Более того, парадоксальна сама ситуация, в которой исторически оказался объект нашего исследования: в обществе, в котором упразднено предпринимательство как родовой признак буржуазно-капиталистического миропорядка, тема предпринимательства, казалось бы, должна была вовсе исчезнуть из поля зрения советских писателей как чуждая или даже враждебная психологии советского человека. Однако она никуда не исчезла, более того, она приобрела острейшую актуальность в свете целей и задач, формулируемых новым обществом. В то же время и сама тема, и способы ее воплощения претерпели в рамках советской литературы кардинальные трансформации, связанные с нравственно-идеологическим переосмыслением самих фундаментальных понятий – дела, труда, отношения к труду и собственности.

И.О.Родин и Т.М. Пименова, авторы «Полного курса русской литературы. Литература XX в.», анализируя пути развития литературы в XX в.

¹ Существует огромное количество научных трудов по теории и истории советской прозы, в которых поэтапно и поименно освещен процесс зарождения самой литературы и формирования ее художественного метода – социалистического реализма (например, «Социалистический реализм в теоретическом освещении» А. Иезуитова, «Современный советский роман. Философские аспекты», «Русская литература XX века» в 3-х томах под ред. С.А.Венгерова, «Историко-литературный процесс» и др.). В последние годы все теоретическое и художественное наследие, включая творчество классиков советской литературы, подвергается критическому переосмыслению, вызванному прежде всего изъятием из инструментария эстетических оценок классово-идеологических критериев.

и культурно-исторический процесс, акцентируют внимание на таких особенностях этого исторического периода, которые заключались в том, что совершался переход из века индивидуального производства в век технологий. Последствием этого перехода было то, что решающей исторической силой стала масса, которая вытеснила индивидуум. [166] Свершившийся промышленный переворот привел к концентрации рабочей силы, производства, капитала, к возрастанию общественной роли денег, к глобализации, взаимозависимости, подчинению политики экономике, к созданию индустриальной среды. На фоне этих глобальных процессов все, что в российской истории связано с революционными тенденциями и борьбой классов с их противоположными идеологиями, представляется частным явлением, которому не следует придавать решающего значения. Гораздо важнее для формирования содержания мировой и отечественной культуры был выход масс на общественную и мировую арены. Это нашло отражение и в новых философско-эстетических системах. Психология масс, социальное поведение, социально-психологические мотивации вызывали растущий интерес со стороны развивающихся гуманитарных наук (З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм). Подавление индивидуума и подчинение его воле массы, превращение его в «винтик», функцию, легко заменяемую часть единого механизма – основная проблематика практически всех видов искусств, рождавшихся на фоне «заката «старой культуры».[166]

Что конкретно происходило в литературе этого периода, можно яснее себе представить, сравнив два произведения, вышедших практически в одно время, в 1925 г. Это роман М. Горького «Дело Артамоновых, претендующий на завершение старой традиции представления предпринимателей, и роман Федора Гладкова «Цемент», демонстрирующий новый тип человека дела.²

² После М. Горького к этой же теме обратился Вяч. Шишков в романе «Угрюм-река» (1932) [201], в котором обнаруживаются знакомые жанровые признаки реалистического социально-психологического романа, разоблачающего хищническую природу капиталистического предпринимательства, и видим типичного предприимчивого, авантюрного героя, наживающего богатства несправедливым путем. Ничего принципиально нового ни в идейно-нравственном содержании, ни в поэтической системе в целом по сравнению с

В море критических, реферативных и научных работ, посвященных творчеству А.М.Горького, [25, 34, 51, 52, 57, 123, 134, 136, 184, 193, 194] нас, в первую очередь, привлекали исследования, связанные с отражением в нем темы предпринимательства. Обращение к этой теме отмечается на разных этапах творческой биографии писателя, и рассматривается этот факт в свете становления всей системы его нравственно-философских и эстетических взглядов. Естественно предположить, что авторов исследований должна была привлечь проблема преемственности проблематики, в свете которой выяснится вклад Горького в развитие указанной темы по сравнению с предшественниками, ближними и дальними. К нашему удивлению, мы не обнаружили размышлений по поводу его места в этой литературной традиции. Отмечена преемственность нравственно-философской проблематики, характерной для русской литературы 2-й половины XIX-го века. [51, 57, 171, 185] Есть рассуждения, касающиеся горьковской трактовки обломовщины и Штольца, есть сравнение «Дела Артамоновых» с произведениями Бальзака, Стендаля, Голсуорси, Т.Манна [193], но нет даже намека на то, что задолго до появления этого горьковского романа судьбы буржуазных семейств, проблемы накопительства, соблазн больших денег и другие аспекты капитализации России были достаточно полно освещены в русской литературе. «К 1868 г. первенствующее положение русской буржуазии в экономической жизни страны обозначилось вполне определенно». [59] А в 70-е гг. это общественное явление стало одной из центральных тем передовой русской литературы: «Современник» Некрасова, «Бешеные деньги», «Волки и овцы» Островского, «Благонамеренные речи» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Подросток» Достоевского, «Мещане» А.Ф. Писемского, - вот далеко не полный перечень крупнейших произведений, посвященных приходу «чумазого», как назвал русского буржуа Салтыков-Щедрин. П.И. Мельников - Печерский в романе «На

традиционной формой, разработанной Маминым-Сибиряком и Горьким, мы в этом произведении не обнаружим. «Шишков обращается к недавнему прошлому России, чтобы раскрыть неизбежное крушение капитализма, историческую несостоятельность эксплуататорских классов, внутреннюю гнилость буржуазии.

горах» еще в 1874 г, т.е. за целое десятилетие до Мамина – Сибиряка, описал архетипическую ситуацию «быстрого богатства». В нем же была высказана мысль о неизбежности наказания потомков до седьмого колена за несправедные деяния отцов.

В «Приваловских миллионах» Маминим-Сибиряком были намечены мотивы вырождения буржуазии и угрозы «пролетаризации». Можно сказать, что сам факт обращения Горького к теме зарождения и вырождения русской буржуазии говорит о писательском чутье, подсказавшем сюжет, который был освоен в литературе до него, но на новом витке истории обрел новые оттенки, актуальность и остроту. Насколько полно эта новизна и актуальность проявились в произведениях Горького, можно судить только при сравнительном анализе романа «Дело Артамоновых» с другими произведениями на эту тему. Задача данного раздела – выявить общие типологические признаки романа о бизнесе и бизнесменах, а также показать как в горьковских текстах представлен концепт «Предприниматель». Исследователи отмечают большой интерес Горького к судьбе буржуазных династий, приведший к созданию романа «Дело Артамоновых». [51, 52] Интерес этот имел устойчивый характер, который подпитывался знакомством с представителями купеческих семей Нижнего Новгорода, Самары, Казани, общением с С.Т. Морозовым, поведавшим ему историю своего предка – бывшего крепостного. Горький лично знал многих известных заводчиков и фабрикантов, паромщиков и богатых купцов; наблюдения за их жизнью и судьбой давали ему богатый материал для раздумий о судьбах русского капитализма, о преемственности поколений, о ценностях, вокруг которых строится личная и общественная жизнь, подчиненная сугубо материальным, эгоистическим интересам.³

³ Известно, что уже в марте 1904 г., в беседе с А.Н.Тихоновым Горький подробно излагал замысел романа "Атамановы", - произведения на тему о трех поколениях одной буржуазной семьи". "Дело Артамоновых" (1925) - история жизни трех поколений семьи фабрикантов - охватила огромный временной отрезок истории капитализма России: с 1863 по 1917 годы. Это определило сюжет романа – движение истории семьи и семейного Дела от момента его рождения через годы процветания к распаду и гибели.[51]

За последнее десятилетие вокруг личности и творчества А.М.Горького развернулась бурная дискуссия, в ходе которой многие оценки, принятые в советском литературоведении, подвергаются сомнению или полностью отрицаются. [123] Однако эта дискуссия практически не затронула "Дело Артамоновых". Это может означать, что «характеристика трех поколений Артамоновых в критике 1950-80-х годов дана в целом верно.[51] Это облегчает нашу задачу, и мы, не вдаваясь в подробный анализ содержания романа, ограничимся выявлением того, что добавил М.Горький в уже сложившуюся в русской литературе традицию изображения предпринимателей и их дела. До этого произведения понятие «Дела» не получало такого целостного воплощения в романной системе. Даже у Мамина-Сибиряка в «Приваловских миллионах» смысловым и поэтическим центром являются именно мифические миллионы, а не заводы или заводское производство. Постановка Горьким Дела в центр образной системы сразу же переакцентировала все жизненные, реально-исторические, ценностные, личностно-психологические и жанрово-изобразительные компоненты романной структуры. В ней появляется самостоятельно живущий образ, в котором понятие «Дела» материализуется, наполняется живыми знаками специфически организованного бытия.

О роли образа фабрики в изобразительной системе романа уже делались замечания, [51, 52] но в них вкладывался скорее идеологический, смысл. Нам это представляется важным по нескольким причинам. Во-первых, фабрика – это воплощенная мечта Ильи Артамонова, с которой у него связано понятие «быть хозяином». Его мечта о свободном труде, страсть, с которой он берется за любое дело, харизматическое притяжение, огромная физическая сила как бы наполняют живой энергией кирпичные стены фабричного корпуса. Это здание неразрывно связано с жизнью героев. Через отношение к нему, то есть к Делу жизни, каждый из Артамоновых проявляет себя, обретает свое место в семье, фабричном производстве, наследстве, в жизни и истории. Во-вторых, фабрика – это специфический хронотоп, в котором реализуется собственно

предпринимательская деятельность героев: сначала строительство, потом сложное производство, расширение, наполнение рабочими и оснащение техникой. Все это втягивает в себя сотни людей, находящихся в особых отношениях друг с другом и с хозяевами. Это уже не семейно-бытовые, а производственно-экономические, более того – классовые отношения, которые регулируются особыми – экономическими, политическими и юридическими законами. Фабрика оказывается средоточием самых разных, но одинаково сложных и напряженных отношений, в не меньшей, а даже большей степени, чем дом и чисто семейный круг. Ее «хронос» включает историческое время, когда бывшие крепостные основывали новые династии, создавали промышленность, продвигали технический прогресс. Это время формирования нового класса – капиталистов, буржуа, сменивших на исторической арене поместное дворянство, но еще говоривших языком полуграмотных торговцев. Это время сменяющих друг друга поколений, каждое из которых проходит свой пик, сдает свои позиции, оставляя после себя яркий материальный след. Это время образования семей и внутрисемейных отношений. Это время внутри фабрики, ее ритмы и темпы, а также время вне ее, города Дремова и далеких центров, живущих иной жизнью. Это время борьбы, в которую втягиваются рабочие и хозяева, их окружение и городские власти.

Сложная динамика отношений членов семьи Артамоновых к фабрике развивается от всецелой, одержимой преданности Делу к осознанию рабской зависимости от него, желания освободиться, отчуждению и выпадению, и, наконец, к потере всяческих связей с ним и насильственному отторжению от него. И, наконец, для автора романа время Артамоновых - это недавнее прошлое, на которое он смотрит глазами человека, знающего истинный ход истории и кардинальных перемен в обществе, о которых его герои могли только догадываться. Это знание давало ответы на многие вопросы, связанные с судьбами противоборствующих классов, но еще больше возникало вопросов, касающихся судеб России в целом. Таким образом,

концепт «промышленное предприятие», который актуализируется разными лексемами (завод, прииск, в данном случае – фабрика, входящий в более широкий концепт «Дело» в произведениях М.Горького реализуются с явно негативной оценочностью).

«Топос» фабрики также чрезвычайно насыщен поэтическими и содержательными смыслами. Он продолжает и расширяет пространство дома, Артамоновых, сада и дворовых построек, где происходит много важных событий, в т.ч. попытка самоубийства Никиты и убийство Петром Артамоновым мальчика Никонова. В ее стенах вершится то, что породила и привела в движение воля Ильи Артамонова, закреплена и доведена до уровня доходного предприятия усилиями Петра и Алексея, а затем Мирона. На ее территории, куда включается и рабочий поселок, скапливаются и обретают определенные очертания исторические силы, которые уже определяют будущее семьи Артамоновых. Ее пространство противопоставлено и постоянно соотносится с пространством г. Дремова, сопротивление обывателей которого удалось с трудом переломить Илье, а также с пространством монастыря, в котором укрывается от жизни Никита, пытающийся жить по иным, божеским законам. В составе фабрики уже есть все, о чем мечтал Илья – и церковь, и кладбище, нет только того, что в его мечтах украшало жизнь, нет Добра, покоя, счастья. Пришло нечто неведомое, никому из Артамоновых не понятное, отняло у них все и самих обрекло на гибель. Зримое и незримое присутствие фабрики в самых важных семейных и городских событиях, безусловно, имеет обобщающий символический смысл как выстроенного «на песце» храма, из которого их можно изъять только неподвластной им силой. Фабрика остается на прежнем месте, но в ее стенах места Артамоновым нет.

В глазах некоторых героев романа фабрика становится средоточием зла и греха. Поп Глеб, которого городская беднота почитала за блаженного, видит в фабрике место, где «...зло жизни, возрастая, собирается воедино, как бы для

того, чтоб легче было преодолеть его силу».[220, с.114] Петру Артамонову «все больше не нравились рабочие, которые становились все слабосильнее, теряли мужицкую выносливость, заразились бабьей раздражительностью, не в меру обидчивы, дерзко огрызаются... Люди стали бойчее и даже как будто умней, но небрежнее к работе, злее друг к другу и все нехорошо, жуликовато ... примериваются. Особенно озорниковатой и непочтительной становилась молодежь, молодых фабрика очень быстро делала совершенно непохожими на мужиков». [220, с. 116] Там же отмечается множество случаев «быстрого сторания людей». Далее, тому же Петру фабрика представляется «жирным красным пауком, все шире ткавшим свою паутину» [220, с.169], а в некоторых фабричных женщинах он брезгливо отмечает «соединение яростного распутства с расчетливой деловитостью». [220, с.129] Самому Петру от собственного сына Ильи довелось услышать обвинение в свой адрес: «Не одного убили вы, вон там целое кладбище убитых фабрикой». [220, с. 138]

Очевидно, что образ фабрики является одним из главных художественных средств выражения авторской идеи о многообразных формах взаимозависимости человека и его дела. В нравственно-философском аспекте Дело реализуется и как быт, и как форма бытия, смысл которых постепенно утрачивается или искажается. В этом плане мотив скуки, тоски, неприкаянности, постепенного отчуждения или резкого выпадения из дела переплетается с ощущением мельчания, суетливости, подмены сущности видимостью, и прочее. А жизненный путь Никиты и постоянное присутствие в судьбе Артамоновых Тихона Вялова выводят повествование к проблеме поиска нравственной альтернативы и истинной праведности, которую исключает сама природа предпринимательской деятельности. Если вспомнить, что в очерках «По Руси» (1912) Горький выказывал явное предпочтение здоровому творческому началу перед пассивностью, вялостью и застойностью провинциального уклада, такое снижение исторического оптимизма представляется симптоматичным. Видно, насколько эти мотивы и образы

близки тем, которые показаны в «Приваловских миллионах», где Сергей Привалов, Лоскутов, Надя Бахарева по разным причинам выпадают из семейного дела. Более того, сходны причины этого выпадения и характеры героев, переживающих это состояние. Этим определяется сходство содержания и структуры конфликта романов Д.Н. Мамина-Сибиряка и М. Горького.

Судьба семьи Артамоновых подробно прослеживается в сюжетных линиях, связанных с образами Ильи Артамонова, его сына Петра, племянника Алексея, а также представителей третьего поколения Артамоновых – Ильи, Якова и Мирона, сына Алексея. Для них главное то, что это их собственность, знак социального положения, основа семейного благополучия и традиционная, наследственная сфера приложения сил. Как и в романе Мамина-Сибиряка, среднее поколение героев Горького уже сильно отличается от зачинателя Дела, а их дети, получившие возможность посмотреть мир за пределами города Дремова, вернулись чужими. Этому находится психологическое объяснение: «Когда мысль и дело подсказаны и поданы со стороны, человек обычно не бывает в них кровно заинтересован. Он не может отдаваться со всей горячностью тому, что не произошло из всего его существа, а способен служить чужой идее лишь в меру своих способностей и дисциплинированности. Таким стал Петр. Люди, которым достается в готовом виде воплощенная идея, относятся к ней как к чему-то естественному, само собой разумеющемуся. Они не могут болеть и страдать за то дело, в которое не вкладывали ни души, ни сердца, но они могут быть заинтересованы в бесперебойном движении его постольку, поскольку оно обеспечивает их существование. Подобная позиция тоже шлифует характеры, оттеняя в первую очередь инертность и безразличие к идее и заинтересованность лишь в плодах ее. Таким предстает в романе Яков.

Верным представляется определение романа «Дело Артамоновых» [51] как биографии семейного дела. Сравнение с рассмотренными образами романов Гончарова и Мамина-Сибиряка позволяет выстроить достаточно

четкую типологию героев такого рода произведений. Поскольку семейная хроника предполагает как минимум три поколения, то вся история в своем неуклонном движении проходит три этапа, каждый из которых связан с жизнью и деятельностью представителей очередного поколения. Образы представителей старшего поколения имеют особое значение, поскольку им отводится решающая роль как в содержательном, так и в изобразительно-оценочном плане. В содержательном – они отцы-основатели Дела, пионеры, открыватели новой сферы приложения сил, деятели, вдохновляемые видением будущего благосостояния, воплоители мечты. Они носители тех черт, которыми от природы наделен предприниматель и благодаря которым возможно возникновение и успешное развитие Дела. В этом ряду находятся Поташов Мельникова-Печерского, Штольц Гончарова, Гуляев и Бахарев Мамина-Сибиряка, Игнат Гордеев, Илья Артамонов М. Горького. Они и не могут быть иными, т.к. «зачинателем любого стоящего дела может стать лишь фигура сильная, творческая и самостоятельная. Идея, рождающаяся в душе такого человека, способна поглощать его целиком, находя в ее воплощении порой смысл всей жизни. Страстное желание добиться своего вопреки всем условиям и обстоятельствам, во что бы то ни стало, еще больше формируют и ограничивают сильные черты такой личности». [51]

Подчинить себе обстоятельства и добиться цели любой ценой – важный признак такого предпринимателя, и где, в какой момент ценой окажется чужая жизнь или собственная душа, это останется достоянием слухов, легенд, темным прошлым, «скелетом в шкафу», и прочим «строительным материалом» для дальнейшего развития семейной хроники. Наличие хотя бы намек на некий криминальный факт – неперенный элемент образа большого Дела и его основателей, придающий всей изобразительной системе драматический, авантюрно-романтический или натуралистически-фаталистический колорит. Для развития темы вырождения буржуазных семейств этот момент очень важен, поскольку с ним неизбежно сочетается мотив возмездия.

Поташов – отец одного из героев романа Мельникова - Печерского «На горах», - «за короткое время скопил несметные богатства, скопил умом, трудом, неистомимой силой воли, упорной стойкостью в делах, а также и темными путями. Безнаказанные захваты соседних имений, прием беглых людей, стекавшихся со всех сторон под кров сильного барина, тайный перелив тяжеловесной екатерининской медной монеты умножали богатство тульского оружейника. Кто Поташову становился поперек дороги...добром не хотел уступить, того и в домну сажали. Слова супротивного молвить никто не смел, все преклонялось перед властным оружейником. Перевел Поташов разбои в лесах Муромских, но не перевел разбойников. Подобравшись под сильное крыло неприкосновенного барина, лесная вольница по-прежнему продолжала дела свои, но только по его приказам...И не было на Андрея Родивоныча ни суда, ни расправы» «А все оттого, что умел с нужными людьми ладить. Ладил он сначала с князем Григорием Орловым, вовремя от него отвернулся и вовремя прилепился к другому князю Григорию – к Потемкину. Одного закала были, хоть по разным дорогам шли». [226, с.145] В таких образах прослеживается реализация признаков «готовность нажать богатство незаконным путем», «условность для делового человека принципов морали».

Нам представляется, что в произведениях Горького дана не только архетипическая ситуация быстрого обогащения, но и тот прототип предпринимателя, который, не меняясь по существу, дошел с тех далеких времен и до современного эпоса о бизнесе. Герои «Дела Артамоновых» вполне отвечают описанным параметрам, в том числе и по наличию криминального компонента.. Илья Артамонов, основатель Дела, «отмечен» за совершенное убийство уродством сына Никиты. Петр Артамонов всю жизнь оправдывается перед собой за невольное убийство мальчика, Алексей же Артамонов без всяких угрызений совести совершает поджог, устраняя с пути своего соперника. «И не было на них (*Артамоновых*) ни суда, ни расправы», – можно сказать, переиначив слова Мельникова - Печерского.

В оценочном плане личности Отцов являются живым воплощением успеха, примером для подражания, объектом семейного культа, драгоценной памятью и кладезем непреходящего опыта. Объективный смысл их трудов и усилий в том, что они делали реальную историю промышленности и экономики в целом, а эстетический – в концентрированном выражении созидательной энергии нации, освоения новых пространств и видов деятельности, дерзкого движения в сторону от насиженных мест и отработанных моделей жизни, вызова устаревшим нормам и представлениям о мире. Исследователи творчества Горького, [51] анализируя образ Ильи Артамонова, отмечают в нем силу, мощь, здоровую грубую красоту, физическую притягательность. Особое свойство Ильи, которое роднит его со всеми героями подобного типа, - это страстное отношение к труду, готовность взвалить на свои плечи любую тяжесть, бесстрашная вера в собственную силу, когда «душа горит к работе». Главная его функция в романе – переломить в свою пользу общественное мнение дремовцев, их настороженную неприязнь и недоверие. Ему это удалось, он основал Дело, организовал внутренние и внешние связи, дал направление развития, сумел повлиять и на психологический климат, на отношения между рабочими и хозяевами. Ранняя его смерть положила начало вырождению семьи Артамоновых, и в тексте обнаруживается множество деталей, имеющих символический пророческий смысл. Однако логика реальной смены поколений такова, что старшие неизбежно уступают место своим детям, на будущее которых они положили большие силы.

В характеристики этих героев естественным образом встраивается признак «забота о будущем», ибо ради него они так страстно и без устали напрягают силы, и именно поэтому они жаждут продолжения и продолжателей. Этот признак, с долей авторской иронии представлен даже в образе Чичикова. Можно вспомнить, как в романе Мамина-Сибиряка старый Гуляев, потеряв надежду на своего зятя – Александра Привалова, постарался обеспечить будущее своего внука Сергея, чтобы в нем не умер преемник Дела. А судьба

следующего приваловского поколения исторически будет осуществляться во времени, когда бывших «чумазных» (Салтыков-Щедрин) потеснят пролетарии, захватив в собственные руки владения своих хозяев. В романе Горького показана ситуация, когда внук основателя Дела (Илья, сын Петра Артамонова) становится идейным противником семейных принципов и оказывается в стане классовых врагов.⁴

Представители среднего поколения – дети основателей и сами отцы следующего поколения. Они продолжают и укрепляют Дело, но они и живут его плодами. Исследователи [51] уделяли большое внимание образу Петра Артамонова, подчеркивая его отличие от отца, отсутствие азарта, энергии, силы, ощущения рабской зависимости от фабрики, растущую озлобленность, отчуждение и одиночество. Его жизнь – это рутинная автоматизация, привычка, серые будни. На его судьбе в основном и прослеживается динамика вырождения семьи Артамоновых. Именно его Горький оставляет на сцене, когда свершается исторический суд над бывшими хозяевами жизни. Он оказывается единственным ответчиком по делу Артамоновых.

Внуки – это те, которые отрицают, могут уйти из дома, постараться устроить свою жизнь иначе, отречься от денег, собственности, от родительской помощи. Они принадлежат другому времени и не хотят жить старыми истинами. Их усилия нередко направлены не на собственное обогащение или другие эгоистические цели, они жаждут приносить общественную пользу. Они молоды, образованны, сильны и энергичны. Именно с их позиций оценивается прошлое и будущее, и через их отрицание дается оценка предпринимательству как образу и смыслу жизни. С ними связана надежда на нравственное

⁴ В советской традиции этому факту придавался особый идеологический смысл, делавший историю гибели семейства фабрикантов Артамоновых символической: власть эксплуататоров кончилась, на смену ей пришла власть трудового народа. [51, 60] Однако в работах последних лет звучит предостережение: не следует отождествлять судьбу рода с социальным вырождением класса капиталистов, а историю угасания рода Артамоновых не надо трактовать как крушение самого капиталистического способа производства. [52]

усовершенствование и служение Отечеству, в чем, по сути, состоит позитивный потенциал любого предпринимательского проекта.

Представляется целесообразным отметить общий аспект конфликта романов о предпринимательстве, который можно определить как «сопротивление среды». Этим словосочетанием можно обозначить первоначальную фазу любого нового дела, которое затевает предприимчивый человек в расчете на успех и прибыль. Это может быть дикая природа, в недрах которой обнаруживается источник богатства (золото, руда, минералы и пр.), как это было у первооткрывателей сибирских золотых приисков Д.Н. Мамина-Сибиряка. Или же это могут быть земли кочевников, которые будущие промышленники захватывали под строительство заводов. Это может быть косная, ограниченная людская масса, полная предрассудков и страхов перед всем новым и неизвестным, подозрительно и с предубеждением встречающая чужих с их преобразовательными планами. Это может быть собственная семья или ближайшее окружение, не признающее никаких изменений в налаженном хозяйстве, и другое. В исследуемых романах Д.Н. Мамина-Сибиряка и М. Горького она развивается сходным образом: победа над средой на начальном этапе строительства Дела, за которой следует длительная фаза ассимиляции, взаимного приятия, а затем срабатывают внутренние механизмы долговременного действия. Тут и начинает проявляться все, что было заложено на предыдущих этапах: надрыв и потеря энергии; былой кураж и безудержность порождают бессилие и бесплодие, наследственные болезни, алкоголизм, шизофрению, слабоумие, то есть, все признаки вырождения.

В содержании и структуре конфликта романов «Дело Артамоновых» и «Приваловских миллионов» можно обнаружить много других сходных моментов, порожденных жизненной практикой российских предпринимателей. Это сфера деятельности, которая сама по себе противоречива и конфликтогенна, поскольку означает борьбу интересов, соперничество, конкуренцию, риск. У Мамина-Сибиряка собственно

«производственный» конфликт осложняется нравственно-психологическими проблемами, проистекающими из характера главного героя, в сознании которого идет борьба между семейным долгом и внутренним отчуждением от наследственного дела. Типологически сходным является конфликт поколений, который, как известно, не исчерпывается только личными противоречиями отцов и детей. Его значение раскрывается в репликах Ильи Артамонова-младшего: «Этой мудростью дальше жить нельзя. Есть другая правда» [220, с. 254], которые он бросает в ответ на рассуждения отца о необходимости взять на себя ответственность за семейное Дело.

Отчуждение от Дела таких персонажей, как Сергей Привалов или Илья Артамонов-младший, - это самый позитивный момент процесса «вырождения», поскольку собственно предпринимательская энергия ими не потеряна, она просто направлена по другому руслу. Истинными носителями признаков деградации в романах такого типа являются представители «золотой молодежи», как правило, младшие сыновья и избалованные барышни «крепких семейств», ни на что не годные, кроме проживания отцовских денег, развращенные, пресыщенные, с неустойчивыми психикой и поведением. В целом конфликт такого рода можно определить как социально-нравственный, поскольку предпринимательство, вернее, следствия предпринимательской деятельности, получают негативную оценку как развращающие и разрушающие личность. Как свидетельство этого рассматривается «бесповоротное вырождение самых крепких семей», привыкших к паразитическому образу жизни, поскольку потомки основателей уже давно потеряли связь с делом и не занимаются его ростом и развитием. Это создает внутреннюю конфликтность предпринимательской среды, поскольку утрачивается созидательный смысл деятельности. Типичной ситуацией является проблема наследования, когда оказывается, что передать семейное

дело некому и все, на что потратило жизнь старшее поколение, потеряло смысл.

5

Социально-политический, классовый аспект конфликта у Мамина-Сибиряка лишь намечен, и звучит он в основном в дискуссиях о судьбах промышленного производства, о регулировании отношений между рабочими и хозяевами. Однако именно Сергею Привалову принадлежат слова о том, что «на заводах в недалеком будущем выработается настоящий безземельный пролетариат, который будет похуже всякого крепостного права...» [223] Горький также не мог не «встроить» этот компонент в содержательную и поэтическую систему романа, что сразу обнаруживается и к моменту выхода в свет проявился в полную силу. Именно его действие как исторической силы довершило то, что изнутри разъедало семью Артамоновых, а это, прежде всего, их нравственно – философская, а не только «классовая эксплуататорская сущность».

Кроме того, важно отметить, что для героев романов Мамина-Сибиряка и Горького характерна рефлексия: они впадают в тоску и задают себе вопросы о смысле труда, своего дела и жизни в целом. В систему ценностей включаются понятия Добра и Зла, справедливости, возмездия за грехи, истины, воли, истории и пр. Так в романе Горького выстраивается довольно четкая оппозиция: Дело (Артамоновы) – Неделание (Никита, Тихон Вялов), семантика которых связана с понятиями Зла и Добра, греховности и праведности. В этом продолжение традиции, заложенной Гончаровым. Фабрика в контексте романа действительно предстает воплощением зла и греха. Но что же тогда «Добро»? «Делам черт Каина обучил», - выразился однажды Тихон Вялов, забыв, что некоторое время назад он говорил Петру: «Дело – перила человеку; по краю ямы ходим, за них держимся» [220, с.131]. Зато в число последних обвинений в

⁵ Д.Н. Мамин-Сибиряк привел свой роман «Приваловские миллионы» к финалу, который вряд ли можно считать убедительным, поскольку будущее его семейного дела связывается с судьбой малолетнего сына Сергея Привалова и Нади Бахаревой – людей, формирующих новую идеологическую среду.

адрес Артамоновых Тихон включает и то, что они запугали Никиту, которому за них и молиться страшно было, оттого он и бога лишился. И его, Тихона, они тоже веры лишили. «Ни бога, ни черта нет у вас. А что у вас есть? Нельзя понять. Будто и есть что-то» [220, с. 255] – подводит итог Тихон, сокрушаясь о том, что вся его жизнь связана с этой семьей. – «Веры, говорю, лишили вы меня; не знаю, как теперь и умереть мне. Загляделся на вас, беси...» [220, с. 256] Что же противопоставлено Делу? Никита уходит в монастырь, ища там праведности, но его он покидает, потому что не знает, как утешить приходящих к нему людей.⁶ У Горького нет образа предпринимателя – носителя позитива.

Становится очевидным различие в разрешении конфликта в «Приваловских миллионах» и «Деле Артамоновых». В первом случае автор выстроил некую позитивную перспективу, в которой основную роль будет играть последний приваловский отпрыск. В романе Горького последняя сцена лишена надежды на светлое будущее. В репликах Тихона Вялова, в голосе из темноты «Назад, товарищи, оборота нет и не будет для нас»..., в общем мрачном, тревожном колорите ночи и прочих атрибутах звучит мотив суда, обвинения, возмездия. «Это против тебя война, Петр Ильич... (Тихон – Петру) Смахнули, как пыль тряпицей. Как стружку смели... Черт строгал, а ты помогал. Грешили, грешили, - счета нет грехам! Вот наступил на вас конец. Отлилось вам свинцом все это... Отрыгнулась вам вся хитрая глупость ваша. Обманщики. Обманом жили. Теперь – все видно: раздели вас...»[220, с.254 - 255]

Как видим, традиция изображения предпринимательства накануне его исторической кончины нашла продолжение и в советской литературе 1920-30-х гг. Однако, она питалась материалом исторического прошлого и потому не

⁶ Он выращивал свой сад, был добр и чуток, мог дарить красоту. Но он ушиблен и свою ушибленность ощущает не только как физическую, поэтому не может и не хочет даже внушать людям надежду. Он не утешитель, не мудрец, не судья, не праведник. Нет в романе Горького таких людей. Даже Серафим, которого фабричный народ любит и называет Утешителем, Петру таким не кажется, да и сам он о себе так не думает.

могла в полной мере выразить нравственно-эстетический идеал нового времени. Переход от разрушения веками сложившегося уклада к творчеству нового, от гражданской войны к хозяйственному строительству требовал создания иных художественных моделей. «Художественная литература обязана была ответить на требования жизни и показать пафос, героизм хозяйственного строительства с таким же воодушевлением и с такой же силой правды, как показала героизм и пафос гражданской войны» [34, С. 257] Появление в русской литературе 20-х годов поэтической формы, которая воплощает новое жизненное содержание, связывается с именем Ф. Гладкова. В его творчестве также решалась задача создания образа героя, обладающего психологией творца истории, движимого принципиально иной мотивацией к труду, коммунистической нравственностью, революционными традициями. В этом образе должно было осуществиться слияние пафоса трудового героизма и революционной перестройки действительности. Романы Гладкова «Цемент» и «Энергия» рассматриваются в одном ряду с другими произведениями на тему строительства новой жизни, промышленного и энергетического развития России. В этом ряду «Доменная печь» Н. Ляшко, «У станков» А. Филиппова, «Домна» П. Ярового, «Стройка» А. Пучкова. В следующем десятилетии появляются «Соть» Л. Леонова, «Время, вперед!» В. Катаева, «Гидроцентральный» М. Шагинян. В этих романах обозначились и требовали осмысления новые - неантагонистические - противоречия, возникающие в практике небывалого строительства. Героизм и романтика перестали быть достоянием только ратных дел. Время восстановления хозяйства, индустриализации, электрификации, строительства новых городов, промышленных гигантов и т.д. приравняло труд к подвигу и творчеству. Новый труд был условием формирования новой личности, ее нравственного облика, отражающего гражданскую сущность. В труде реализовалась борьба за новые принципы жизни, происходило преобразование носителя старого сознания в человека, способного на отказ от личных потребностей ради общего дела. Воплощалась мечта о счастье народа,

и складывались новые представления о простом советском человеке. Все эти качества советская наука и критика рассматривали как родовой признак принципиально иной художественной системы, отличной от классического реализма и традиционного социального критицизма.

В свете исследуемой темы важно отметить, что основой всей идейно-образной системы произведений о трудовом подвиге народа является понятие свободного труда как Дела, цель и смысл которого не в частном эгоистическом накопительстве, а в общественном благосостоянии. В книге Н.Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» мы находим теоретические модели того социально-психологического феномена, отражение которого в литературе привело к появлению двух типов повествования о труде: «В отношении к хозяйственной жизни можно установить два противоположных принципа. Один гласит: в хозяйственной жизни преследуй свой личный интерес и это будет способствовать хозяйственному развитию целого, это будет выгодно для общества, нации, государства. Такова буржуазная идеология хозяйства.» [18] На этом принципе, добавим мы, сложилась традиция изображения буржуазного предпринимательства как фактора, определяющего общественно-экономический прогресс (Штольц в «Обломове», «Гуляевское гнездо» в «Приваловских миллионах» Мамина-Сибиряка). «Другой принцип гласит: в хозяйственной жизни служи другим, обществу, целому и тогда получишь все, что тебе нужно для жизни. Второй принцип утверждает коммунизм, и в этом его правота.» «И, - читаем далее, - вполне возможна новая мотивация труда, более соответствующая достоинству человека. Одно ясно: проблема эта не может быть лишь проблемой новой организации общества, она неизбежно есть проблема новой душевной структуры человека, проблема нового человека.... Новая душевная структура предполагает духовное перевоспитание человека...». [18] На этом принципе в 20-30-е гг развивался новый роман о труде как условии достижения целей социалистической революции и развернувшегося строительства коммунистического общества.

Поэтому можно согласиться с мнением о том, что роман такого типа нельзя назвать чисто производственным. Можно сказать, что это вид нового эпоса о труде со своей типологией конфликта, героя, сюжета, поэтической системы в целом. В нем произошло преобразование традиционных содержательно-изобразительных опор романа о предпринимательстве. На примере романа Ф.Гладкова «Цемент» (1922-24) это преобразование прослеживается достаточно четко.

2.2 Ф. Гладков. «Цемент». Человек дела в романе о труде.

Архетипической ситуацией, рожденной самой жизнью и многократно повторенной в советской литературе этого периода и последующего десятилетия, является ситуация разрушенного хозяйственного объекта, требующего не просто восстановления, а возрождения на новых технических и идейно-нравственных основах. В романе таким объектом является цементный завод. Первая глава так и называется – «Пустынный завод». Исходная ситуация восстановления предприятия, воспринятого из частнособственнического прошлого и ставшего государственной собственностью, программирует тип сюжета: стремительно разворачивающееся движение, процесс восстановления старого или строительства нового объекта в несколько этапов, с драматическими осложнениями, временными неудачами и срывами, но с неизбежной, исторически предопределенной победой. Характер и функция каждого изображенного события определяются конечной целью задуманного национального проекта – оно либо таит угрозу поражения и тормозит общее движение вперед, либо наоборот, вселяет надежду, вдохновляет, окрыляет, воодушевляет, объединяет людей.

Сюжет романа «Цемент», как и в других произведениях такого типа, имеет двухплановую структуру: внешний, видимый план сюжетного движения определяют все внешние события, которые обозначают вехи на пути к конечной победе, преодоленные трудности, логическую смену видов

хозяйственно-трудовой деятельности, поступки героев, двигающие весь процесс вперед, способствующие утверждению позитивного идеала. Невидимый, внутренний план составляет нравственное движение, эволюция души, рост классовой сознательности, развитие характеров. Оно происходит не просто в процессе труда, но благодаря труду. Именно свободный труд, направленный на превращение бывшей частной собственности в общенародное достояние, формирует новую личность, коммунистическое сознание, сознание хозяина, творца, создателя, участника всенародного Дела. «Завод не может умереть... Иначе – зачем делали революцию?» «Завод – государственное достояние. Мы – производители цемента. А цемент – это крепкая связь Цемент – это мы, товарищи, рабочий класс... Пора перейти к нашему прямому делу - к производству цемента для строительства социализма», - убеждает своих товарищей главный герой романа Глеб Чумалов. [217, с. 185]

Отношение к труду выполняет одновременно характерологическую, идеологическую и нравственно-психологическую роль. При этом на первый план выходит типичная для советской литературы оппозиция «наш-чужой». На одном полюсе «Наш», советский, революционный, ленинский, коммунистический, т.е. тот, кто понимает: «Новый труд – свободный труд, завоеванный борьбой – огнем и кровью. Хорошо!» [217, с. 6] «... вся Россия – мы. Это – рабочая Россия, это – мы, это новая планета, о которой мечтало в веках человечество...» [217, с. 31] Важным моментом является понимание перспектив и целей этого героического труда: «Человек будет уже не раб, а владыка, потому что основой жизни будет свободный и любимый труд.» [217, с. 76] «Наши дети будут представлять нас великими героями и создадут о нас легенды... Какое счастье жить и бороться в наши дни! Ведь мы будущее воплощаем в настоящем. Мы несем это будущее в себе.» [217, с.157] Личное местоимение «Мы» выражает возвышенно революционный, гражданский, пафос, потому что только сплоченный коллектив в едином порыве способен

сделать то, что не по силам одиночке: « Мы создаем наш мир своими руками. Ведь это - все наше...Мы! Наша сила и труд...» [217, с. 263]

На другом полюсе - «не наш», «враг», все, кто мешает строительству: «Чиновничество заело... Бюрократизм... Врагов много. Нужен беспощадный террор, иначе республика будет между жизнью и смертью». [217, с. 263] Здесь же бандитизм, голод, а советские учреждения кишат предателями и заговорщиками. «Плох ревтрибунал, если он не карает за бесхозяйственность и саботаж», [217, с. 263] – говорит Глеб Чувалов предисполкома Бадьину, личность и деятельность которого на партийно-хозяйственной работе вызывает у него подозрение и неприязнь. Шрамы и Бадьины – это явные и тайные враги. Одних объединяет классовая ненависть к рабочим, других – честолюбивые карьеристские устремления. Формируется новый бюрократический аппарат, который произносит правильные речи и лозунги, но по сути не отличается от прежнего - буржуазного. Нарастает административный опыт, позволяющий подняться над массами, «вылезает из утробы обыватель». [217, с. 263] Прямой угрозой восстановлению хозяйства, завода являются саботаж и экономическая контрреволюция, спекуляция за счет государства, мошеннические сделки по захвату народного имущества (например, сдача в аренду кожзавода бывшему владельцу), а также злостная бесхозяйственность, которая хуже бандитского налета. Разрабатывается концессионный план насчет цементного завода, чтобы вырвать его из рук государства и передать прежним акционерам. Эти сложности порождает НЭП, и некоторые преданные делу социалистического строительства коммунисты начинают сомневаться – уж не происходит ли реставрация буржуазии? Сдать завод на концессию капиталистам? Предать революцию? В результате сомневающиеся подверглись «чистке» как пошатнувшиеся в вере и потенциальные враги. Но хуже всего – свои, которые «...из рабочих сделались шкурниками». [217, с. 263] Чувалов сокрушается, видя состояние завода: «Не завод, а сорная яма, козье гнездо». «Завод казался потухшим миром». «До чего довели...» [217, с. 262-263] Ему вторит бывший

заводской кузнец: «Прогнали всех хозяев...А гляди, ядри твою в корень... Вдрызг! Кто клепку тащит, кто медь с машины дерет, кто ремень режет...Навластовали!..» [217, с. 27] «Все бы разграбили до последней крошки...Сами!.. По-рабски! Свои! Везде - враги...» [217, с. 37] – переживает жена Глеба Даша. «Ты только о своей шкуре хорошо понимаешь, а общее рабочее дело и производство для тебя – собачий аркан,» - это уже серьезное обвинение. Это значит, что главный враг – не бывший кровопийца-хозяин, не бандиты и не спецы, которые пророчат неудачу. Главный враг – в рабском сознании человека, привыкшего к подневольному труду и не способного посмотреть на завод иначе как на чужую, пусть и разоренную собственность. «В нас самих должна быть беспощадная гражданская война» [217, с. 234] – рефлексировал Глеб Чумалов. Преодоление себя, «выдавливание раба», обретение чувства ответственности за успех Дела перед народом – в этом главная цель и пафос нового эпоса о героях труда, а не наживы.

Именно в этом полемическое ядро романа о труде ранней советской эпохи по отношению к традиционному роману о зарождении и развитии капитализма. В обоих случаях исходная ситуация связана с началом Дела, его строительством, с преодолением сопротивления среды (см.выше), с предельным напряжением физических и моральных сил, с беззаветной верой в успех и готовностью к самопожертвованию ради будущего благосостояния. И как любое начало она романтизируется, героизируется и мифологизируется. В обоих случаях сюжет разворачивается как поэтапное достижение намеченной цели. Этот путь драматичен, полон внутренней энергии, авантюристичности, риска, экстремальных обстоятельств, борьбы, соперничества, личных притяжений и отталкиваний. На этом, однако, сходство заканчивается, и начинаются принципиальные отличия. Главное отличие романа о труде от романа о предпринимателях заключается в содержании позитива и негатива. В традиционном романе о предпринимателе мы наблюдали в действии релятивистскую систему ценностей, в которой само понятие «позитива» весьма

расплывчатое и неопределенное, т.к. условия жесточайшей конкуренции требует от субъекта предельной жесткости, рационализма и этического цинизма. Эти качества вполне могут сочетаться с индивидуальными достоинствами и добродетелями, которые, к сожалению, никак не влияют на природу бизнеса. Идеал авторами виделся в том, чтобы предприниматели в бизнесе проявляли честность и порядочность, а в общественном плане не забывали о своем долге перед обществом и свои богатства использовали на благо Отечества. В советском романе о труде, возникшем на убеждении, что «капиталистический мир разбит, уничтожен, и он больше не воскреснет», [219, с. 263] именно общее благо как результат общего Дела составляет основное содержание позитива. Его составляющими являются не только материальные ценности, создаваемые в процессе труда, но сами люди нового типа с их коммунистической сознательностью, героизмом и жертвенностью во имя идеи. На эту матрицу могли накладываться любые личные качества, лишь бы это были не пережитки прошлого: склонность к накопительству, эгоизм, честолюбие, зазнайство, мещанские вкусы, и самое непростительное – индивидуализм. В этом виделся главный грех, чреватый опасностями классового перерождения и возврата к прошлому.

С этих позиций претерпевает серьезное переосмысление понятие «предприимчивость». В романе «Цемент», как и в названной выше книге Н. Бердяева, мы вычитываем две теоретические модели жизнеустройства с противоположной идеологической направленностью. Первая звучит из уст буржуазных спецов, обсуждающих перспективы развернувшегося строительства. По их мнению, оно обречено на неудачу, поскольку «опыта нет, силенок нет, капиталов нет для созидательной работы». Вывод они делают однозначный: «И не может быть при отсутствии частного капитала и частной предприимчивости» [217, с. 207]. В этой связке ключевым понятием является «частный». Прямо противоположная взаимосвязь смыслов раскрывается в высказываниях Глеба Чумалова: «мы, коммунисты, не только должны быть

точными исполнителями директив и предписаний, но и...самое главное...орудовать инициативой и творчеством», [217, с. 83] а такой созданный для руководства экономической жизнью партийно-государственный орган, как совнархоз, «должен превратиться в предприимчивого хозяина.» [217, с. 85] При этом важно обратить внимание на форму долженствования, которая выражает скорее далекий идеал, чем реальное положение дел.⁷

В самом строящемся обществе были те обстоятельства, которые не позволяли отдельным рецидивам индивидуализма перерасти в катастрофическую эпидемию. Во-первых, – это революционные и преданные делу строительства социализма Массы: «Вот оно, самое главное – массы...труд...крылатый полет колес; мы – маленькие пылинки масс...» [217, с. 124] Старейший строитель завода инженер Клейст, наблюдая массовый героизм и самоотверженность рабочих, проникся идеей великого строительства нового мира: «Может быть, начинается другая жизнь...невиданная и счастливая.» [217, с. 116] «Как все огромно, какой размах и какая сила!.. Этим человек растет и делается непобедимым.» [217, с. 119] Участие в общем Деле «перековало» сознание «чужого», и это являлось убедительным доказательством правоты народа и политики партии. Главный же герой Гладкова – «человек особой, правильной породы», в момент торжества, празднуя восстановление завода как общую народную победу, рассуждает про себя: «Что он, Глеб, среди этого людского моря...И его – нет, а есть только взволнованные массы, и своим сердцем он чувствует тысячи сердец. Рабочий класс, республика, великое строительство жизни...- все это Как видим, советский роман о труде исключает из понятия истинного счастья личное богатство, деньги, собственность (лесковская праведность на новый – советский лад). Мы уже говорили о том значении, которое придается массам как фактору, определяющему ход и

⁷ Одним из механизмов регулирования «градуса социалистической предприимчивости» была «красная доска» – доска почета с портретами героев труда – самое начало системы поощрения рабочей инициативы, творческого подхода к общему делу, этот опыт использовало до 1980-х гг. советское партийное руководство, нацеленное на сохранение и умножение общественно-идеологического позитива. Это было также способом регулирования сложных взаимоотношений между индивидуумом и коллективом.

содержание исторического процесса на рубеже XIX – XX вв. В структуре романа о труде понятие «массы» постепенно вытесняется понятием «коллектив», в которое вкладывается позитивный нравственно-идеологический смысл. Это сообщество высокосоциальных людей, объединенных профессиональными интересами, общей идеей, целью, отношением к общему Делу, идеологией и политическими взглядами. От «массы» (толпы) к «коллективу» путь может быть долгим и непростым, приобщение к коллективу равноценно достижению счастья и признания, а выпадение из коллектива может обернуться трагедией. Как и в традиционном романе о предпринимателях, выпадение из общего Дела означало неизбежную деградацию, нравственное падение, одиночество. Единение с массами, чувство нерасторжимой общности судьбы, настоящего и будущего – главный позитив романа о труде, сохранивший свое значение на всем протяжении советской эпохи. Ныне этот так и не достигнутый социально-нравственный идеал рассматривается как одна из множества мифологем, из которых формировался миф о небывалом социально-психологическом феномене, отмеченном специфическим признаком – «советскостью».

Важна в романе и руководящая и контролирующая роль партии. «Партия и армия приказали мне: иди на завод и бейся за социализм, как и на фронте», [217, с.17] – говорит Глеб Чумалов, пытаясь объяснить бывшим рабочим бывшего цементного завода свое понимание их общей исторической миссии. На разных этапах восстановления завода Глеб не раз ссылается на политику партии, которая знает, куда вести и как рядовому коммунисту реагировать на отдельные отклонения от главной линии.⁸

⁸ Как уже упоминалось, механизмом контроля и регулирования партийно-хозяйственной жизни были чистки, проводимые специальными комиссиями. А местные партячейки были непосредственными проводниками политики партии. Важное значение имело незримое всеприсутствие вождя мировой революции Ленина, по которому каждый коммунист сверял свою жизнь и деятельность, градус собственной преданности делу коммунизма.

Суммируя вышесказанное, попытаемся представить определяющие характеристики персонажа, и те концептуальные признаки, которые представлены в образе главного героя.

Прежде всего, это активность и деятельность; преданность Делу; трудолюбие; затем инициатива, но не частная, личная - здесь это инструмент, которым герой «орудует» в рамках исполнения директив партии. (т.е. инициатива не стратегическая, а тактического характера);

Решительность, которая сочетается с агрессией и непримиримостью по отношению к противникам; В то же время развивается такая сторона как постоянное противопоставление себя «чужим», тем/тому, кто мешает общему делу

Самоощущение как лидера, и в то же время как типичного представителя коллектива, массы

Отсутствие материальной заинтересованности, Таким образом, из представления концепта выпадает важная связь с такими другими концептами как «Деньги/частный капитал», а значит, и способность рисковать этими деньгами.

Такой концепт как «предприятие/фабрика» меняет свое содержание и оценочный знак (ср. с представлением фабрики в «Деле Артамоновых» Горького или в «Молохе» А.И. Куприна. Теперь это не только место приложения сил, но и место, где «обитает» коллектив, «школа жизни» с воспитательной составляющей. Успешное предприятие – предмет гордости нового человека дела как представителя коллектива. Соответственно, и такой общий концепт как «Дело» кардинально трансформируется: теперь это не частное, но «общее», общественное дело, а значит, снимается моральное противоречие. Дело это полезно для всех и значит, праведность причастных к нему людей очевидна. Теперь нет необходимости уравнивать частное дело какими-то другими общественно-полезными, (Тем более, что нет и православного сознания).

То, что героем остается мужчина – пока дань инерции, но отношения «человека дела» с другим полом тоже трансформированы: теперь его привлекает в женщине не красота, не возможность выгодного брака, но радость от участия в общем деле, или, как минимум понимание его общественных устремлений.

Внешность. Герой, как мы видели и прежде, выглядит не броско, но привлекательно. Однако внешность более не является его визитной карточкой.

Язык и внутренняя речь героя – исключительно русские, основанные на разговорной речи (в т.ч. морфология и синтаксические конструкции). Лексика также разговорная в своей основе с элементами просторечия (он был когда-то рабочим), с элементами партийно-коммунистической фразеологии, военная (дело восстановления завода–битва, к тому же Глеб много лет был в Красной армии), часты вкрапления совеского новояза.

Фамилия говорит о народном происхождении, а имя напоминает первых русских святых, Бориса и Глеба, чистых «страдателей» за правое дело.⁹ Да и вся деятельность и энтузиазм советских активистов – не что иное как построение рая, царства справедливости и равенства в близком будущем. Фамилии же противников дела и сомневающихся «попутчиков» говорят об их иностранном или же враждебно-классовом происхождении.

Как видим, в образе Глеба Чумалова представлен не собственно предприниматель, поскольку отсутствуют важные признаки этого концепта, но иной тип – советский активист, человек общественного дела.

В предыдущей главе было отмечено, как формирующийся жанр социально-психологического романа давал писателям возможность исследовать сложное и драматическое взаимодействие «человеческого» с «предпринимательским» в личности героя. На новом, советском, витке развития этого жанра наблюдается снятие этого противоречия, в результате

⁹ Интересно, что при атеистической идеологии раннее советское искусство ищет опору именно в ранней христианской и фольклорных традициях (вспомним «Двенадцать» А. Блока или символику красноармейской формы)

чего герой нового типа предстает удивительно гармоничной личностью. В нем находит выражение романтизм революционных преобразований, мироощущение пролетариата, ставшего хозяином страны. [51, с. 171] Труд рассматривается как благословение жизни, фактор, распрямляющий человека, пробуждающий гордость и творческое горение, «... фабрика и завод становятся средоточием не только трудовой, но и общественной деятельности пролетариата. На социалистическом заводе создаются предпосылки для раскрытия всех возможностей свободного труженика. [51, с. 172] Само понятие «герой» обретает новые смыслы именно благодаря участию в свободном, творческом труде. С персонажей Gladkova и других писателей эпохи великого строительства начинается галерея героев соцтруда, чьи портреты украшали заводские Доски почета, и таким образом трудовой подвиг приравнялся к подвигу на полях сражений, поскольку в обоих случаях это формы глубинного патриотизма, преданности Родине и идеалам коммунизма.

Роман Gladkova «Цемент» считался образцом жанра романа о рабочем классе. [217] С точки зрения всей российской истории изображения предпринимательства можно сказать, что образ Глеба Чумалова – это продукт синтеза двух традиций. С одной стороны, он прямой родственник и продолжатель героев революции и гражданской войны, наделенный типичными качествами революционера, сознательного партийца, коммуниста и закаленного в сражениях бойца. Из его воспоминаний читатель узнает драматические подробности его военной биографии, включая побег из белогвардейского плена. Из более далекого прошлого возникает образ молодого рабочего, который дорожит приобретенным трудовым опытом и ценит рабочее товарищество. Ощущение гармоничного единства в его душе качеств рабочего человека, стойкого бойца и верного коммуниста дает ему силы в борьбе и веру в собственную правоту. С другой стороны, герой Gladkova не может не иметь набора черт, входящих в генетический предпринимательский комплекс, таких как готовность идти на риск, весомую

долю здорового авантюризма, пробивную энергию, харизматическую притягательность, сексапильность, оптимизм, способность предвидеть, планировать, оценивать и т.д. Все это у Глеба есть, и он проявляется как боец, и как лидер, и как организатор, думающий и убежденный в успехе, преданный Делу, активный субъект исторического процесса. Достаточно вспомнить, что именно ему принадлежит инициатива восстановления завода и пуска основных заводских цехов и мастерских. Он же оказывается боевым командиром, организовавшим сопротивление во время бандитского налета. Его лексикон не случайно объединяет партийно-коммунистическую фразеологию, хозяйственно-производственные понятия, политические оценки и военную терминологию, также в его речи встречаются лингвистические «новоделки», порожденные формирующимся советским бытом, типа «женотдел», «детдом», «окружком», «экосо», «партячейка», «исполком», «совнархоз», «Госплан», «коммунхоз» и пр. В этом смешении – своя система, поскольку для Глеба восстановление завода, строительство новой жизни и борьба с врагами, – это непрекращающаяся борьба против кого-то и за что-то, а также борьба с собственными слабостями и пережитками прошлого. Надо сказать, что с этих времен и все последующие десятилетия существования советского общества использование военных понятий в приложении к мирной жизни и труду стало привычным делом. Свидетельством тому является появление 30 лет спустя еще одного романа на производственную тему Г. Николаевой под названием «Битва в пути», в котором оба слова имеют символический смысл.

Конечно же, содержание литературы 1920-1930-х гг. не исчерпывалось только проблемами восстановления старого и строительства нового социалистического типа хозяйствования, включая собственно производственные отношения. И тема формирования, становления, развития нового человека, человека из народа в новых социальных отношениях раскрывалась не только на фоне грандиозных строек. Кроме авторов романов о труде, литературу социалистического реализма создавали такие писатели, как Л.

Леонов и К. Федин. А творчество М. Булгакова и А.Платонова закладывало основу для недалекой уже по времени писательской оппозиции «правоверной» советской литературе. Более подробный анализ литературы этого периода не входит в задачи нашего исследования, а вот передача «предпринимательской» эстафеты писателю, представляющему эпоху зрелого социализма, составляет объект нашего исследовательского интереса. К этому моменту в литературе был наработан богатый опыт изображения новостроек и отражения проблем, связанных с научно-техническим прогрессом, с государственным планированием социалистического хозяйства, а самое главное – с процессом формирования новой коллективистской психологии. В романах о новостройках Заполярья, Сибири и т.д. нашел отражение тип руководителя-коммуниста, главной чертой которого была не просто преданность Делу, а социалистическая гуманность.

В этот же исторический период встраиваются комические романы И.Ильфа и Е.Петрова «12 стульев», 1928 г. и «Золотой теленок», 1931, в которых исследователи усматривают развитие мировой традиции плутовского романа. «Главный герой «Двенадцати стульев» и «Золотого теленка» Остап Бендер, ставший нарицательным персонажем, воплощает в своей натуре черты буржуазного предпринимателя, осложненные качествами ловкого плута, дерзкого авантюриста». Сатирики и юмористы – И. Ильф и Е. Петров («Золотой теленок»), М. Зощенко, Ю. Олеша, как когда-то М.Е. Салтыков-Щедрин, высмеивали то, что считали злом и помехой для гармоничного мироустройства. Главной мишенью их сатиры было мещанство, опасность которого усматривалась в индивидуализме, стремлении к обладанию частной собственностью, в отсталом социальном сознании. Все это вместе считалось формой предательства дела революции, отступлением от идеалов. Можно заметить, что обаяние авантюризма, живости, интеллекта и остроумия философских обобщений главного героя перевешивают его «неправильность», вызывают симпатии читателя и сочувствие к его неудачам, поскольку самого

Остапа Бендера трудно причислить к мещанству или заурядным накопителям. Скорее это мечтатель, последний романтик эпохи первоначального накопления, опоздавший родиться лет на пятьдесят.

2.3. Г. Николаева. «Битва в пути». Преемственность и перспективы.

За пределами нашего исследования остается весь массив русской литературы следующих – предвоенных, военных и первых послевоенных лет. Производственная тема потерялась тогда на фоне событий, связанных с Великой Отечественной войной. Новую актуальность она приобрела в 1950-е гг.: вновь, как и в 20-е, страна переживала восстановление народного хозяйства, и к тому же восстановление шло одновременно с научно-технической революцией, развитием и успехами советской науки, Страна вновь оказалась накануне перемен. Исследователи отмечают преемственность и продолжение традиции романа о рабочем классе 1920-1930-х гг, осложненную новыми проблемами, связанными с техническим прогрессом и сложнейшим промышленным производством, требовавшим освоения новых технологий и научно-творческого подхода к делу. В романах Вс. Кочеткова «Журбины», 1952 г., Д. Гранина «Искатели», 1954 г., Г. Николаевой «Битва в пути», 1957 г. «главное место отведено глубоким изменениям, совершившимся в мировосприятии и психологии рабочего класса. [153, с. 355] Нам представляется, что Г. Николаевой удалось создать итоговое произведение, своего рода образец жанра производственного романа (при всей условности такого жанрового обозначения) на новом этапе его литературной жизни – на этапе зрелого социалистического реализма, кризис которого, по мнению некоторых исследователей [153, с. 37], был уже не за горами..

С момента выхода в свет книги Г. Николаевой [227] и до середины 1960-х гг не утихали споры вокруг этого романа. Начиная с первых резко критических отзывов в «Литературной газете» и кончая публикациями в

журналах «Новый мир», «Звезда», «Нева», «Вопросы литературы», «Москва» и др. начала 60-х, критики, литературоведы, писатели, журналисты не скупилась на иронические или благожелательные высказывания. [227, с. 668-669] Роман называли иллюстративным, дидактичным, сконструированным, идущим от проблемы, а не от жизни, и так далее. Одни упрекали писательницу в том, что она заведомо обедняет своих героев, навязывает им определенные стандарты мышления, чувств и поведения. Этот роман относили не к искусству, а к беллетристике. Другие же отмечали вдумчивость, страстность, незаурядную хватку автора, мастерство, эмоциональность, раздумья и обобщения. Критические оценки не снижали читательского интереса к роману Николаевой, который сильно вырос после экранизации книги в 1961 г. В постсоветской ретроспективе место этого произведения определено в историческом периоде 1920-е - середина 1950-х гг. в прямой связи с традицией производственного романа.¹⁰

Жанровое обозначение этого типа повествования требует уточнения. Мы усматриваем в его содержании признаки дореволюционного романа о предпринимателях, который относится к типу социально-психологического романа с мощной эпической основой. В начальный период становления советской литературы его содержательно-эстетическое ядро стало жанровой основой произведений на тему восстановления народного хозяйства и строительства новой жизни, которые получали разные жанровые определения: «производственный роман», «роман о труде», «роман о рабочих» и др. Термин «Роман о труде» нам представляется адекватным по следующим соображениям: в нем содержится скрытая полемика с понятием «предпринимательство», поскольку «труд» входит в семантическое поле, объединяющее признаки нового общественного строя, тогда как «предпринимательство» традиционно

¹⁰ По мнению исследователей, [71] роман Николаевой унаследовал все его родовые признаки, о которых они отзываются весьма пренебрежительно: односторонность трактовки человека, формализацию сюжетно-композиционной основы, в целом же – его эстетическую неполноценность. Авторы считают, что производственная проза как жанровое образование пережила деградацию уже к концу 1930-х гг. Поэтому попытка Г. Николаевой возродить ее в условиях конца 1940-х - начала 1950-х гг. была обречена на неудачу.

соотносится с семантикой побежденного капиталистического мироустройства. Роман Николаевой естественным образом вписывается в традицию романов о труде, осуществляющемся во всем многообразии и сложностях неантагонистических противоречий и проблем, возникающих в процессе развития завоеванного и утвердившегося социализма.

Сравнение романа «Битва в пути» с классическим «образцом жанра», созданным Ф.Гладковым, приводит к следующим выводам. К моменту появления «Битвы в пути» поэтическая система такого повествования устоялась настолько, что Г.Николаевой, как и В. Шишкову в его традиционном предпринимательском эпосе «Угрюм-река», было трудно сказать что-нибудь новое. Как и в «Цементе», исходной является ситуация строительства не только в прямом, но и переносном, метафорическом смысле. Действие разворачивается на тракторном заводе, в цехах которого многое морально устарело и требует перестройки или замены. Это относится не только к техническому оснащению и технологиям, но и к трудовым взаимоотношениям, к планированию, нормам, показателям, расценкам, системе оплаты и отчетности. В обоих произведениях романский хронотоп насыщен ощущением грядущих перемен. В «Цементе» - это начало строительства социализма, в «Битве в пути» – это начало новой эпохи после смерти И.В. Сталина, когда герои романа, как и их реальные прототипы, задавали вопросы о том, как же теперь жить – без вождя, без его воли и мудрости. Всеприсутствие вождя даже после его смерти, как и в романе Ф. Гладкова, составляет необходимый элемент всей идейно-содержательной структуры романа Г. Николаевой.

Вторым общим типологическим моментом является сюжетно-композиционная структура, которая программируется самой темой: появление на производстве личности, с профессиональными качествами которой связывается надежда на успешное решение проблем развития и дальнейшего функционирования хозяйственного объекта. В романе Николаевой

такой личностью является инженер Дмитрий Бахирев¹¹, который ранее работал в военной промышленности и решал задачи производства танков. Приход в мирное производство бывших военных – тоже знаковая ситуация, совершенно естественная для литературы, описывающей периоды советской истории, отмеченные войнами и послевоенным восстановлением. В «Битве в пути», создание которой приходится на 1955-1957 гг., а действие относится к 1953-му году, военные события отодвинуты в прошлое, условия жизни вполне мирные, хотя и не везде одинаково благополучные (главы о колхозной жизни). Надежды и стремления людей связаны не с победой над внешними врагами, бандитами, разрухой и голодом, а с улучшением, усовершенствованием, развитием, наращиванием хозяйственно-экономического потенциала, закрепления успехов СССР в соревновании двух экономических и политических систем. В этой ситуации сюжетная линия, связанная с героем романа Бахиревым, выстраивается по той же схеме, что и у Ф. Гладкова: вхождение в производственную проблему, нахождение верных решений, выстраивание отношений с коллективом, партийным и заводским начальством, отстаивание своих позиций вопреки мнению большинства, преодоление сложностей и противоречий, конечная победа.

Сравнение образов главных героев романов Гладкова и Николаевой показывает, что они типологически близки и созданы на одной основе. Как у Гладкова, и в целом в традиции романа о труде, главным критерием положительности (правильности) героя является его отношение к труду, «состояние делания любимого дела», «страстное увлечение делом», «дух борьбы». Это тип «правильного» высоконравственного человека, бойца, готового сражаться за свои принципы на производстве, как на поле сражения. Этими качествами он завоевывает истинный авторитет не только у рабочего коллектива в масштабах предприятия, но и у высшего партийного руководства. Единственное, что разделяет Глеба Чумалова и Дмитрия Бахирева, - это время.

¹¹ Возможно, не случайна перекличка его фамилии с Бахаревым из «Приваловских миллионов».

Для Глеба время Бахирева, - это далекое счастливое будущее, ради которого он воевал и отдавал все свои силы в период восстановления. Оно еще не имеет четких очертаний, но главное, что оно будет таким, каким они, т.е. рабочие революционные массы его создадут. Для Бахирева 1920-е гг. – это прошлое, история со своими легендарными героями. Однако герои его собственного времени воспитаны на тех же жизненных принципах и идеалах, которые поколение Бахирева тоже отстаивало ценой жизни и беззаветного труда. Ясно, что у Дмитрия Алексеевича Бахирева свои неповторимые индивидуальные качества, недостатки и противоречия, но главное то, что он – это уже «продукт социалистической эпохи и ее правомочный мастер». «Первая половина двадцатого века – это было его время, страна, прошедшая путь от капитализма до социализма, была его страной, и он был сыном своего времени и своей страны.» [227, с. 23] В этом угадывается прямое продолжение и развитие гладковского типажа, и сама эта традиция воспринималась писательницей как подтверждение жизненности коммунистических идеалов, воплощенных в советской литературе. Происходит передача эстафеты наработанного и закрепленного в образах идейно-нравственного позитива – героизма, социалистической гуманности, устремленности в будущее, веры в победу коммунистических идеалов и, как особого завоеванного достояния – свободного творческого труда. Не случайно некоторые важные эпизоды романа Николаевой связаны с заводской Доской почета с портретами передовиков производства и Героев социалистического труда.

Тип конфликта также обнаруживает свое идейно-эстетическое родство с романским конфликтом у Гладкова, однако прямое классово-идеологическое противостояние составляет признак исторической эпохи, подразумеваемый фон, помогающий выявить в изображаемой жизни ее главное отличие от всех предыдущих: реальное существование государства нового типа.¹² Другая

¹² Состояние бесконечно длящегося экономического, идеологического и политического противостояния и соревнования двух систем – социализма и капитализма – угадываемая часть художественного конфликта

сторона – это естественные противоречия развивающегося социалистического общества в масштабах гигантской страны, не преодолевшей еще накопившиеся трудности после великого военного разорения. Но ее производительные силы растут, и формируется новый источник конфликта: им, т.е. производительным силам, «тесно, они бьются в старых формах организации, и мы с вами вот бьемся вместе с ними!» [227, с. 439] Это и «ошибки планирования и скованность инициативы, которые заставляли инициативных и рьяных к делу людей хитрить и изворачиваться». [227, с. 330] Это также «извращение закона социализма «каждому по труду», это «неправильности в системе материальной заинтересованности», а также «доблесть и энтузиазм, которыми прикрывают недостатки организации». [227, с. 434] Как и в романе Гладкова, в этой ситуации решающая роль отводится «человеческому фактору», который, в свою очередь, порождает конфликты, имеющие нравственно-психологический, социально-идеологический и личностный аспекты.¹³

В романе Николаевой оппозиция героев выстраивается по той же схеме «правильный»-«неправильный», в основе которой лежат уже проверенные и отработанные литературой соцреализма параметры: отношение к социалистическому труду и коммунистическое исповедание, выраженное в вопросе одного из героев романа: «каково моей совести план не выполнять?» Самый страшный грех – ненависть ко всему советскому - не может проявиться в открытой форме и повлиять на дальнейшее развитие социалистического общества, поэтому явных политических противников в идейно-образной системе романа практически нет. Есть те, для которых советско-партийная фразеология – удобная и привычная маскировка непрофессионализма, «рапортовой психологии», равнодушия к существу дела,

романа Николаевой: «...во имя страны, во имя социализма надо было во что бы то ни стало давать хорошие машины, превосходные, лучшие в мире машины.» [227, с. 221]

¹³ «В стране капитала существует конкуренция. Тот, кто выпускает плохие и дорогие вещи, разоряется и гибнет. У нас никому не грозит гибель и разорение. Что же, значит, можно делать плохие вещи? Почему же мы терпимы к людям, которые пользуются благом и преимуществом так, что благо превращается во зло и преимущество – в изъян?» [227, там же]

к интересам народа (Бликин), приспособленчества, скрытого карьеризма и честолюбия.

Главное личностное и нравственное противостояние Бахирева (главного инженера) и Вальгана (директора завода) происходит в ином, чем «наш-чужой» смысловом поле. Конфликт осложняется тем, что для Бахирева тракторный завод чужой, а для Вальгана – родной. После войны он его восстанавливал из руин, добился успешного производства, получил признание как руководитель и звание Героя Труда. Он, как и Бахирев, верен идеалам социализма, делу партии и в целом – Делу. Вальган талантлив, наделен харизматической притягательностью, красив, артистичен, прекрасный оратор. Он удачлив, энергичен. Что же стало причиной не просто личной вражды главного инженера и директора? Суть конфликта проявляется постепенно и, наконец, формулируется устами пожилого рабочего, который обращается к заводской молодежи: «Кто истинный хозяин завода? Вальган? Да чей это завод? Вальганов завод? Ваш это завод, сукины вы дети! [227, с. 528] – Да какой он, Вальган, хозяин над народом? Он есть кто? – Он есть доверенное лицо народа. Потерял доверие – и нет Вальгана!» [227, с. 529] Вальган возомнил себя единоличным хозяином, ставя карьерные интересы выше интересов рабочих, тогда как Бахирев доказал, что чужого дела не бывает, и он ставит свой долг перед заводом, коллективом, партией, руководством выше личной выгоды, симпатий и антипатий.¹⁴ К этому следует добавить известное уже по гладковским временам радостное ощущение своего единения с массами: «В эту ночь он (Бахирев) впервые отчетливо понял свою жизнь как малую каплю общенародной жизни, трудной, но счастливой, знающей и ошибки и тяготы, но исполненной победного движения». «Он тревожился от того, что чувствовал дыхание двух с половиной миллиардов людей и каждый свой замысел проверял

¹⁴ Такую истину советская литература 1950-х гг. продолжала вкладывать в сознание читателей, где уже успели упрочиться сформулированные представления о счастье: «Счастье – это верность коммунистическим принципам», [127, с. 362] то, что молодой рабочий «в жизни головы не склонил и это счастье забыл ценить», а на заводе он – у себя дома, и все они – единомышленники. [227, там же]

их глазами Теперь практические вопросы техники и партийный долг сплелись – их не отделить. [227, с. 611]

Свое место в системе ценностей занимает мудрое руководство партии: «Обком все должен понимать!» [227, с. 430] И, пожалуй, главное завоевание социализма – преемственность поколений, истинные рабочие династии, в которых от дедов и отцов сыновья и внуки воспринимают коммунистические идеалы и продолжают их дела, решая проблемы и противоречия нового времени. Глава 23 так и называется «Деды и внуки». В ней встречаются представители трех поколений рабочих тракторного завода (Сугробины, Рославлевы, Чубасовы), и деды выражают мысли, которые впервые формулировали их предшественники еще в 1920-1930-х гг.: «Мой внук Сергунька должен рабочее звание понимать высоко! – говорит старик Сугробин, внук которого Сергей – новатор, передовик, комсомольский лидер. [227, с. 236] Ему же он внушает: «Ты есть передовик и новатор до той поры, пока ты с хозяйской душой к общему делу! Потеряешь хозяйский дух – и нет тебя, нет передовика! Один гастролер останется!» [227, с. 529] Как видно, в теме отцов и детей советский роман о труде также полемичен по отношению к предпринимательскому роману, в котором отмечался мотив неуклонного вырождения буржуазии, свидетельствующего об исторической обреченности капиталистического строя. В этом главное содержание позитива романа о труде 1950-х гг., оптимистический, тогда еще безоблачный жизнеутверждающий пафос. И это был пик жанра, поскольку в последующие периоды развития советской литературы производственная тема растворилась во всем многообразии тематики последующих десятилетий народной жизни. Ее отголоски слышатся в «Сказании о директоре Прончатове» Виля Липатова (1969 г.), как и в осуждении мещанства и потребительства в литературе 1970-х гг. (Шукшин «Энергичные люди», 1974 г.) [60, с. 458] Какие же характеристики образа героя романа и признаки интересующих нас концептов обнаруживаются в «Битве в пути»

Герой – опять мужчина, он не броской внешности (ср. с Вальганом), умеет общаться с людьми (хорошо говорит), способен отстаивать свою позицию. Активный, инициативный; бескорыстный (деньги не играют существенной роли). Ответственный. Настойчивый.

Он – человек творческий; способен развиваться самостоятельно и быстро (ср. с постепенным накоплением опыта в рабочих династиях).

У него высшее инженерное образование (в отличие от героя «Цемент»), хорошая грамотная русская речь (в т.ч. и внутренняя).

Он семейный человек, но отношения с женой/женщинами у него сложные¹⁵

Оценка героя во всех отношениях положительная.

Роль дела и завода практически та же, что и в «Цементе» Гладкова, только размер его как места общественной жизни и воспитательная роль завода и коллектива гораздо больше.

2.4. Выводы

Традиция изображения предпринимательства не совсем прервалась в условиях формирования и развития русской литературы советского периода. Она видоизменилась и реализовалась в форме «производственного романа», или «романа о труде», сложившегося в 1920-1930-е гг. в связи с началом восстановления народного хозяйства и строительства социализма в России

¹⁵ У Бахирева, героя романа Г. Николаевой, семейный конфликт также носит не только психологический, но и социально-идеологический характер, так как в его жене проявляется большая тяга к мещанскому благополучию и комфорту, а дела производства и сложности взаимоотношений мужа с коллективом ее не интересуют. Зато в Тине Карамыш его привлекла не только красота, но прекрасные профессиональные качества, ум, способность увлекаться идеей, творческий подход к делу. По этой же схеме развиваются и отношения молодых героев: передовик производства, новатор и изобретатель Сергей Сугробин, чей портрет красуется на Доске Почета, только тогда стал серьезно смотреть на юную формовщицу Дашу, когда она достигла успехов в производстве, стала выполнять и перевыполнять норму. Этот успех прибавил самой Даше уверенности в себе, самоуважения и уважения со стороны ее товарищей, включая старших. Такая ситуация типична для советского производственного романа, где бы не разворачивалось его действие - на стройке, на заводе или в колхозе - критерий положительности героя / героини оставался неизменным. В связи с этим нам представляется, что гендерный аспект конфликта в советском романе о труде проявляется весьма слабо на фоне тех откровенно пропагандистских задач, которые выполняли художественные произведения такого типа.

после гражданской войны. Принципиальные изменения коснулись не столько внешних жанровых признаков классического романа о предпринимательстве (например, «Дело Артамоновых» М. Горького), но и образов основных персонажей, что связано также с изменением социально-нравственных и психологических категорий. Сама традиция была рождена развитием предпринимательской буржуазно-капиталистической деятельности, и в основе поэтической формы, ее отражающей, лежал образ семейного Дела, а сюжетная схема выстраивалась согласно этапам его рождения, роста, накопления собственности и утверждения в обществе в качестве символа больших денег, власти, социального престижа. Внутри этой системы труд изображался как подневольный, рабский, от которого герой стремился освободиться и стать независимым хозяином.

Начиная с романа «Цемент» Ф. Гладкова и до появления «Битвы в пути Николаевой» в середине 50-х гг. XX в., в рамках литературы социалистического реализма сформировалась жанровая модификация «предпринимательского романа», условно обозначаемая нами как «роман о труде». В нем Дело и Труд приобрели значение высоконравственных категорий, приравненных к героическому деянию, и именно по отношению к Трудом оценивается личность, ее значение и место в процессе строительства нового общества, воплощающего коммунистические идеалы. Эгоистическая энергия накопительства, присущая персонажам старого романа о предпринимателях, была отвергнута как идеологически враждебная и заменена творческой инициативой внутри трудового коллектива, масс, которые на глубинном уровне правильно воспринимают основную линию руководящей строительством партии. Такая установка определила типологию конфликта подобного романа, типологию героя и типологию сюжета. В основе конфликта лежит неантагонистическое противоречие между старым и новым, передовым и отсталым, индивидуалистическим и коллективистским, личным и общественным, показным и истинным. Тип сюжета также формируется из устоявшихся

элементов, означающих этапы пути от исходной ситуации, требующей кардинальных изменений, до конечной личной и коллективной победы над всеми экономическими и психологическими трудностями.

Тип героя, как и в традиционном предпринимательском романе, воплощает в себе волю и энергию, рисковость и авантюренность, но направлены они не на конкурентную борьбу за личное обогащение, а на достижение успеха в решении проблем общего Дела. Это – «правильный» человек, наделенный всеми социалистическими добродетелями, талантами и творческим воображением, позволяющими добиться истинного авторитета, почетных званий, общественного признания. Эстетическое ядро в нем явно романтического и мифологического свойства, и только от таланта писателя зависела степень его психологической и эмоциональной достоверности. Надо отметить, что в старом романе о предпринимательстве эстетизировалось некое дерзкое авантюрное действие, деяние, направленное на преодоление сопротивления среды в целях личного обогащения. Сходный механизм работает и в романе о труде, который воспекает героический бескорыстный подвиг на трудовом поприще, творческое достижение, новаторство, дерзкое разрушение стереотипов, и все это – на благо общества, Родины, будущего. Такая удивительная близость моделей, заряженных противоположными нравственными смыслами, не случайна. Она говорит о том, что в разных исторических и политических условиях функционирует устойчивая жанровая модификация социально-психологического романа, выполняющая социальный заказ с идеологически противоположной направленностью.¹⁶

Ядро концепта «человек дела» советской эпохи составляют следующие признаки: мужчина; умеет говорить и убеждать людей, инициативный (в рамках установок партии); ответственный; бескорыстен; честен; верен

¹⁶ Этой художественной форме трудно дать точное жанровое определение. В названии «роман о труде» содержится некая полемика по отношению к традиционному «роману о предпринимательстве», поскольку именно понятие «труд» получило в ходе социалистических преобразований основной позитивный смысл.

советским идеалам; коллективист; прошел военную школу; коллектив выше личной жизни. Имеет власть, данную ему партией.

Оценочность положительная.

